Казаков, Ю. Л. Самоидентификация шляхетского сословия в ВКЛ в конце XVI — начале XVII в. / Ю. Л. Казаков // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 13–20.

Ю. Л. КАЗАКОВ

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ШЛЯХЕТСКОГО СОСЛОВИЯ В ВКЛ В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVII в.

В истории европейских стран XVI—XVII вв. определялись как период наступления Нового времени. Великое княжество Литовское входило в их число и переживало те же процессы, что и на Западе Европы. Представляя собой типичную феодальную монархию, которая была построена по федеративному принципу, государство являлось открытой страной, куда экономические, политические и культурные веяния приходили относительно свободно. Со времени великого князя Казимира действовал принцип, согласно которому каждый житель ВКЛ имел право вольно выехать в любую страну, что свидетельствовало об открытости государства. Это право было законодательно закреплено в Статуте ВКЛ 1566 г., где было записано: «Тежъ узычаемъ и уфаляемъ вѣчными часы, абы княжата и панове хоруговные шляхты и кождый человѣк рыцерскій и всякого стану того панства нашого Великого Князства Литовского мѣли вольность и моцъ выѣхати и выйти съ тыхъ земль нашихъ Великого князства Литовского… для наукъ у письмъ цвиченя учынковъ рыцерскихъ и лепшаго счастья своего, и тежъ будучы неспособного здоровья своего для лекарствъ до всякихъ сторонъ и земль, кромъ земль непріятелей нашихъ…» [19, с. 83].

Свободный выезд за границу развивал экономические связи, содействовал усилению культурного обмена. В ВКЛ завозилась гуманисти-

ческая и реформационная литература, а молодежь получала возможность учиться в университетах Кракова, Крулевца, Лейпцига, Праги и Падуи. Находясь под непосредственным воздействием культурных влияний, которые приходили с юга и запада Европы, население осознавало свою причастность к общеевропейским процессам, что отражалось на его ментальности.

К XV—XVI вв. произошли существенные изменения в экономике. Оставаясь в своей основе натуральным, феодальное хозяйство постепенно втягивалось в товарно-денежные отношения. На белорусских землях укреплялись экономические связи, создавались предпосылки для образования единого внутреннего рынка. Экономическое оживление способствовало преодолению локальной замкнутости отдельных территорий, вело к тому, что вокруг городов создавались своеобразные хозяйственные центры, которые втягивали близлежащее население в торговый оборот.

Параллельно с экономическим развитием совершенствовалась сословная структура общества. Несмотря на неблагоприятные условия, возрастала численность населения, которое к концу XVI в. составляло около 2,6 млн человек, из них около 1,8 млн человек проживало на территории Беларуси, 0,8 млн человек — в Литве [8, с. 56].

Основным сословием в ВКЛ была шляхта, на долю которой приходилось 8—10 % от общей численности населения, в то время как подобные группы в большинстве европейских государств не превышали 1—4 %. Как сословие шляхта сформировалась в предыдущее время и к концу XV в. через систему привилеев приобрела разные ступени градации. С основной массы выделялись князья, княжата, а также бароны, нобили и бояре, которых стали называть панами. Численно эта группа не была большой и включала более 50 основных магнатских родов. Большинство принадлежало к разным группам земян — шляхте и не богатой околичной, чиншевой и магнатской шляхте. Взаимоотношения между ними определялись по принципу феодальной иерархии, что приводило к экономической и политической зависимости малоимущественной шляхты. По своему положению к ней приближались группы военнослужилого населения, куда входили крестьяне, слуги, бояре панцирные и бояре путные, земяне, стрельцы. На белорусских землях процесс формирования шляхетского сословия завершился к концу XV в., ибо в 1492 г. великий князь Александр торжественно обещал «не узвышать плебеев над знатными, а последних сохранить в их чести». Это привело к тому, что шляхта превратилась в корпоративное сословие и

стала осознавать себя как единое целое, сформулировав свою особую политическую программу.

Завершение процесса формирования шляхетского сословия было закреплено в пописах войска ВКЛ 1528 г., 1565 г., 1567 г., наиболее репрезентативным из них стал первый. Это были своеобразные шляхетские книги, в которых содержался список владельцев рыцарских имений. Однако он был далеко не полным, так

как в них не всегда регистрировались мелкие шляхтичи. Тем не менее они давали возможность на основе имен и фамилий, других сведений определить этнический состав, конфессиональную ориентацию и утверждать, что до 1569 г. процентные соотношения белорусской и украинской шляхты колебались в пропорциях 70 : 40 % [16, с. 4—5].

Оформление господствующего сословия закреплялось этническим самосознанием, которое проявлялось в самоназвании, представлении о родине, ее географическом пространстве. Оно складывалось исторически и привело к тому, что к XVI в. обобщенным названием для большинства населения Беларуси стало «русские», «русины», «Русь». Этноним «русские люди» имел большое распространение среди жителей Восточной Беларуси и не случайно историк-славист В. И. Ламанский писал: «… Литовская Русь — разумеет народ русский, православный» [14, с. 17]. Русское этническое самосознание было характерно также шляхте северных и южных белорусских областей, которые в составе Великого княжества Литовского также долго сохраняли такое название. Поэтому не случайно, что этот момент довольно длительное время отражался в полном титуле великих князей литовских, а затем и польских королей.

Например, в жалованной грамоте 1457 г. Казимир IV называется «королем Польским и великим князем Литовским и Русским и Жемойтским и иных земель», а его преемник Александр носил титул «велики князь Литовски, Руски, Жомойтски, пан и дедич» [2, с. 73, 120]. В Волынской краткой летописи под 1515 г. Сигизмунд I именуется «Жикгимонт, король полский и великий князь литовский и русский, княжати прусский, жомоитский и иных» [18, с. 125].

Этническое единство и самосознание шляхты восточнославянских земель ВКЛ проявлялось в устойчивом этнониме «Русь». Многочисленные письменные источники и исторические факты свидетельствовали, что из-за этих территорий велась длительная борьба с московским государством. Причем во множестве документов они назывались «Русскими землями». Так, в письме 1526 г. великого князя Литовского Си-

гизмунда I Старого Августа Московскому великому князю Василию Ивановичу называются «волости наши Поднъпрьскіе, Ръчица, Горволь, Пропоескъ, Чичерскъ» [3, с. 170]. Другое письмо в том же 1526 г. присоединяет к ним также «Гомей, Стародуб, Бряньск, Луки, Кричов, Лучичи» [4, с. 177]. А в статейных списках посольств 1533—1538 гг. Московский государь претендует на «Кіевъ, и Полтескъ, и Витебскъ, городы Рускіе и иные городы, тъ из начала отчина государей нашихъ» [5, с. 279]. Факты свидетельствуют, что ни одна из конфликтующих сторон не называла данные области иначе, чем русские.

По уровню социального, политического и культурного развития русские земли в ВКЛ опережали собственно литовские. Это привело к тому, что русский язык получил статус государственного и на нем разговаривала феодальная знать. Права и вольности «русской» шляхты постоянно фиксировались в привилеях и законодательных документах, чем подчеркивалось ее значение в жизни государства. Показателен в этом отношении Статут ВКЛ 1588 г., где в 3 разделе, статье 12 говорится об исключительном праве шляхты — уроженцев Великого княжества Литовского — занимать земские и дворные посты, получать земли, дворы и маентки. Среди них названа и Русь: «…обецуем и шлюбуем под присегую нашою…, што ж в том паньстве Великом князстве Литовском и во всех землях, ему прислухаючих, достойностей духовных и светских городов, дворов, грунтов, староств, держав, врядов земских и дворных… давати будем повинны только Литве, Руси, Жомойти, родичом старожитным и уроженцом Великого князства Литовского и иных земель, тому князству належачих» [20, с. 118].

В четвертом разделе Статута, 104 статье, где речь шла о требованиях к должностному лицу, подчеркивалось, что «а таковый вряд в том воеводстве и повете оселому родичу Великого князства, писмо руское умеючому…» [21, с. 217].

В Великом княжестве Литовском для шляхты центральной и западной областей белорусских земель распространенным было и название «литвины». Это было связано с близостью этих земель к центру государства, которое часто называлось просто Литвой. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в данном регионе проживали большие группы людей балтского (литовского) происхождения. Поэтому не случайно Ф. Скорина, поступая на учебу в Краковский университет, называл себя «литвином», а автор знаменитого трактата «О нравах татар, литовцев и московитов» Михайло Тишкевич взял себе псевдоним — Михалон Литвин.

Однако если первоначально самоназвание шляхты — «литвины» носило чисто этнический характер, то в последующем оно стало приобретать политическое значение. Существует большое количество письменных документов, где все белорусские территории назывались «Литвой». Так, в Летописном своде 1497 г. сообщалось о разорении татарами восточнославянских земель Литовского княжества, «эти территории назывались «земля Литовская» [17, с. 89]. В Статейных списках посольств 1501—1503 гг. также постоянно встречалось название «Литовская земля» [6, с. 237]. В «Хронике» Гейденштейна содержалось сообщение, что в 1594 г., прежде чем отправиться на Варшавский сейм, «литвины» собрались на свой главный съезд в

Вильно, где… «літвіны апраўдвалі..., літвіны думаюць..., літвіны прасілі палякаў...» [13, с. 571]. Это свидетельствовало о том, что на основе государственно-политического самосознания у шляхты в XVI в. постепенно сложилась общая для белорусов форма самоназвания — полиэтноним литвины. Причем использовался он в усеченной форме для краткости от полного названия Великого княжества Литовского, что говорило о политической консолидации, а не об этническом отождествлении.

В развитии шляхетского сословия качественно новый этап наступил после Люблинской унии 1569 г. Федеративные отношения с Польшей, расширение шляхетских вольностей и уравнение в правах с магнатами привели к тому, что шляхта стала определяющей силой в ВКЛ и основным участником в разработке политического курса государства. В результате если ранее существовало разделение территории государства на «литовские земли» и «землю русскую», то теперь более широкое распространение получила дефиниция «Отечество», в смысле всей территории Великого княжества Литовского. Так, в обращении троцкого воеводы Криштофа Радзивилла к шляхте Витебского воеводства от 4 декабря 1595 г. сообщалось о набеге казаков С. Наливайки и о грабеже г. Слуцка, а также о том, что против них был отправлен военный отряд под командованием речицкого старосты Михаила Буйвида. Радзивилл просил витебскую шляхту, «чтобы их милость братья наши, с милости своей, отечеству нашему, каждый согласно возможности своей, помогли своими людьми его милости речицкому старосте у выправе против того гультайства своводьного с нашего отечества…» [7, с. 76]. Урядники земские, гродские, рыцарство и шляхта Брестского повета, выдавая инструкцию шляхетским послам на Варшавский сейм 10 января 1597 г., обращались за помощью к королю и просили его проявить заботу «об отечестве нашем в Речи Посполитой» [1, с. 150].

В послелюблинский период, когда были проведены судебная, реформа вального сейма, введен институт поветовых сеймиков, стала формироваться шляхетская политическая элита. Это способствовало тому, что данное сословие стало активным участником общественной жизни и его голос учитывался в решении кардинальных проблем внутренней и внешней политики ВКЛ. Новое государственное образование — Речь Посполитая стало восприниматься в одних случаях как единое целое, а в других — в качестве самостоятельных единиц. Это рельефно отразилось в материалах поветовых сеймиков, где шляхта обсуждала волнующие ее проблемы и при этом наглядно демонстировала свое этническое самосознание.

Например, сохранилось письмо от 21 февраля 1576 г. радных панов ВКЛ полякам в ответ на предложение Московского государя Ивана IV выставить свою кандидатуру или сына Фёдора Ивановича на великокняжеский трон. В нем говорилось, что ВКЛ разных монархов с братьями-поляками иметь не может. И если коронная шляхта захочет иметь себе королем эрцгерцога Эрнста, то они согласны, чтобы он был монархом «для Польши и ВКЛ» [9, л. 2]. Во время выборов короля 1587 г. радные паны обратились с письмом к шляхте Лидского повета и предложили провести свой сеймик, где обсудить проблему выдвижения кандидатуры на эту должность и избрать своих послов на вальный сейм: «Абысмы зрозумевшисе сполне з вашею милостью паны и братею нашою милою, так тую справу о конвокацыи, якосе вашим милостям всим видети будет, и там же и иншые потребы отчызны нашое сполом з вашею милостью братею нашою милою паны корунными, «братею нашою, знашали в чом ест потреба направы и поратованя в долелостях нашых» [10, л. 3—4]. Понимание отечества в Речи Посполитой как отдельно существующих государств — короны Польской и ВКЛ — было характерно также для Полоцкой, Виленской, Новогрудской, Ошмянской шляхты. Примером тому может служить инструкция послам Ошмянского повета на главный сейм ВКЛ, принятая в сентябре 1590 г. В ней сообщалось, что в Турцию Сигизмунд III Ваза направил посла и есть надежда на заключение мира. Однако в случае начала военных действий «тогды мают их милость панове поляцы побор намовенный, уфаленый на прошлом сойме, до которого ся в такой потребе утечы могуть. Мы теж, народ литовский, в таком кгвалте, где бы, стреж боже, вто запевне оказывалися… повинности нашое в унии описаной // им отдати, А за наш побор на том жо прошлом сойме заровно з их милостью уфаленый людми своими их милость против того неприятеля посылати и ра-

товати и ратовати. У чом поручаем паном послом нашым порузумеватися, яким способом ратунок против того неприятеля паном полякам чинити» [11, л. 2—3].

Однако с конца XVI — начала XVII в. в сознании шляхты все больше стала проявляться тенденция отождествлять свое сословие с Речью Посполитой. Так, в инструкции послам на вальный сейм от Минского воеводства в 1625 г. отмечалось, что сеймы собираются каждый год для того, чтобы из разных мест послушать об опасности для Речи Посполитой и ввести новые налоги. Многие предложения и замечания, которые поступают от послов, не принимаются. Однако послы Минского воеводства «рукі не опускаюць, а ні сэрца аб ласцы е. к. м. пана нашага міластывага не губляюць» и думают довести до короля свои предложения [12, л. 1].

Подобный подход свидетельствовал о более полном привлечении шляхты ВКЛ к «золотым шляхетским волностям» и ее сближении с «польским народом шляхетным». В сознании шляхты дефиниция отечество стала замещаться понятием государство. Это вело к ликвидации местного патриотизма и замене его

патриотизмом государственным. Шляхта считала себя создателем государственных основ, гарантом его силы и разумного функционирования. В шляхетской среде разрабатывалось представление об эффективной и сбалансированной политической системе государства: «Каторая тая Рэч Паспалітая складзена з тых трох падвалін: манархіі, арыстакратыі і дэмакратыі. Ёсць у ёй кароль, ёсць стан рыцарскі, аднак гэтыя тры станы паўстаюць адзіным целам Рэчы Паспалітай. Як цела жыве душой, так таксама і ўсе станы адным правам кіравацца маюць у Рэчы Паспалітай» [15, с. 88]. Однако на уровне этнического самосознания шляхетское сословие и в этот период предпочитало считать себя «народом литовским».

ЛІТАРАТУРА

1. АВАК. Т. 2. Вільно, 1867.
2. АЗР. Т. 1. СПб., 1846.
3. Там же. СПб., 1848.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 1. Вильно, 1867.

8. Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1. Мінск, 2005.
9. ГАДА. АР. Отд. II. № 110.
10. Там же, № 160.
11. Там же, № 242.
12. Там же, № 944.
13. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. 1. Мінск, 1936.
14. *Ламанский, В. И.* Белая Русь / В. И. Ламанский // Імя тваё Белая Русь. Минск, 1991.
15. *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI — першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. Мінск: БДУ, 2002.
16. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. публічных спраў 1. Мінск, 2003.
17. ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963.
18. ПСРЛ. Т. 35. Мінск, 1980.
19. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. Мінск, 2003.
20. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: тэксты, даведнік, каментарыі. Мінск, 1989.
21. Там же.